

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Доминикова Светлана Федоровна

доцент кафедры романо-германской филологии
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»;
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Республика Беларусь)

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу русских паремий как уникального источника кода русской культуры. На материале более 400 паремий выявлены общественно-политические, социокультурные, этнографические, географические реалии, в которых отражены духовные ценности и ментальные установки русского народа. Обоснована роль указанных реалий в формировании когнитивной семантики русских паремий и трансляции культурного кода.

В современной лингвистике особую актуальность приобретает интерпретация единиц языка на когнитивных и лингвокультурологических принципах, связанных с трактовкой связей языка и культуры как соотношением варианта и инварианта. Как отмечает В. А. Виноградов, поиск «культуры в языке, т.е. отражения в языковых текстах и в самих языковых средствах определенного культурного содержания, связан-

ного с мировосприятием данного этноса/народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и/или верой, заключается не только и не столько в прямом дескриптивном выражении знаний и представлений о мире (например, в виде основного мифа), но прежде всего в скрытом, пронизывающим язык и речевые произведения преломлением категориальных оснований культуры» [1, с. 462]. В этом отношении паремийные тексты представляют собой уникальный объект для лингвокультурологических исследований, поскольку далеко не всегда очевидны глубина ментальной категоризации и категориальные основания представленных в них языковых средств.

Исследование базируется на материале русских паремий, отобранных из фундаментального собрания «Большой словарь русских пословиц» (2010) [3]. Методологической основой систематизации национально-культурных реалий послужили классификационные подходы С. Влахова и С. Флорина [2].

Общественно-политические реалии, выявленные в паремиях, с одной стороны формируют семантику паремии, а с другой – категоризируют социальные и мировоззренческие установки и принципы, существующие, или существовавшие в определенные периоды. Однако гораздо чаще в паремиях отражены вневременные знания и представления народа о мире и обществе.

Так, в русском паремийном фонде уже с XI века существуют паремии, в которых раскрыты мировоззренческие установки «власть» – «общество, народ», отражено критическое осмысление проблемы и эволюция восприятия власти народом, напр.: *При власти много дружи, а при печали – ни единого; Всякая власть не без опасения еще без благоволения; Творяй благое, не бойся власти; Кто желает власти, придут на него сласи, а потом страсти, да в том ему будет и пропасту; Больше власти – больше напасти; Кто у власти, тот и ест сласи; Кто Советской власти вредит, того народ не щадит; Какая власть – такая и насть; Власть и правда на одной башне стоят; Там, где нет закона, там и власть недолговечна; Власть любит силу, но уважает лести; Власть и лжи недолгое пребывание* [3]. Как видим, на фоне масштабной мировоззренческой категоризации проблемы власти в целом, только для отдельных паремий характерны общественно-политические реалии определенного исторического периода (начало XX в.), напр.: *Кто Советской власти вредит, того народ не щадит; Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла; Если бы не Советская власть, к нам бы трактору не поласи* [3], отражающие исторический контекст и коллективные настроения периода становления советской государственности.

Широко представлены в паремийном фонде общественно-политические реалии, манифестирующие духовные, религиозные, моральные установки русской культуры. Глубинные основы христианского православного мировоззрения русского народа способствовали категоризации таких смыслов в паремийных текстах, как: «труд есть форма служения и молитвы», напр., *Кто рано встает, тому Бог подает; Церковь на дворе, а вера – на поле*; «честность, честь – атрибут достойной жизни и человечности», напр., *Наша честь с утра до вечера; Где честь, там и правда; Тому, кто не верен чести, смерть на месте; Бесчестье хуже (тяжелее) смерти; За бесчестье голова гинет; «милосердие – основа истинной веры», напр., Не строй церквей – пристрой сироту; Не строй семь церквей, а вскорми семь сирот детей; Не строй семь церквей, а пристрой семь детей (сирот); При церквях проживают, а волю дьявольску совершают* [3] и др.

Географические реалии в русских паремиях представляют собой особый пласт культурной информации. Пословицы, семантическим центром которых выступают компоненты-урбонимы, как правило, связаны с социокультурной категоризацией действительности, напр.: *Москва боже не верит; Москва слезам не верит; Москва бьет с носка, а Питер бока вытер* [3]. В них передается суровый прагматизм столичности (столиц), где социально-психологический комфорт отнюдь не является определяющим фактором бытия. В пословице же, напр., *Беднякам Питер бока вытер* метафорически осмысливается социальное неравенство и сложности адаптации простого человека в большом городе.

Паремийные тексты также выступают своеобразным индикатором национального характера, отражая не только внешние культурные проявления, но и глубинные ментальные установки русского народа. Этнографические реалии, называемые в паремиях: а) пищу, напитки; б) кухонную утварь; в) жилье или элементы быта представляют наиболее объемный пласт лингвокультурем, раскрывающих специфику категоризации социального бытия. Наиболее продуктивны среди них компоненты-лингвокультуры, называемые хлеб – сакральный продукт для русского человека, напр.: *Был бы хлеб, мыши набегут; Голодному хлеб мерещится; Как хлеб, да квас, так все у нас; Мой хлеб ешь, меня и тещу; Хлеба не едать – перемены не видать; Голоден при хлебе не будешь; Горек хлеб чужой; Дешев хлеб, коли деньги есть; Ешь хлеб, а калач береги; Ешь хлеб, коли пирогов нет; И хлеб по своей стороне скачет; Лучше хлеб с водою, чем жить со злою женою; Не твой хлеб кушаю, не твои речи слушаю; Покидал хлеб, да отмахал руку* [3]. В лингвокультурах не только отражены метафоричность и глубокий символизм слова хлеб, но и на их основе концептуализированы смыслы: «хлеб – основа существования», «хлеб – критерий материального и социального благополучия», «хлеб – предпосылка для социальной независимости и личной свободы» и др.

Предметом народной рефлексии в паремиях также становится: кухонная утварь, предметы быта, музыкальные инструменты и др. Так, в паремии, напр.: *Садись гостем будешь, уйдешь – самовар поставим* раскрываются традиции хлебосольства, где самовар – не просто предмет кухонной утвари, а центр домашнего уюта и гостеприимства. Музыкальные инструменты, как правило, концептуализируют человеческие переживания и эмоции, эмоциональную сферу, напр.: *Балалайка играет, сердце плачет; Гусли звонки, да струны тонки*. Национальные инструменты становятся проводником эмоционального состояния.

Таким образом, очевидно, что в паремиях не просто фиксируется реальность, но и формируется определенная модель мировосприятия, выступающая инструментом культурной преемственности. Русские паремии представляют собой не просто лингвистический феномен, но сложную семиотическую систему, в которой аккумулирована коллективная память, отражающая мировоззренческие и социальные трансформации. Исследование показало, что в паремийном фонде доминируют этнографические реалии, составляя более 70% фактического материала. Это свидетельствует, что национальное мировосприятие складывается не только на основе взглядов и идей мыслителей, писателей, выдающихся личностей, но вбирает в себя обыденные стереотипы, незамысловатые идеи, а порой и утилитарные установки.

Лингвистическая природа паремий предполагает их постоянную эволюцию. Современные социальные трансформации неизбежно влияют и на фонд паремий, появляются новые выражения, отражающие реалии новой цифровой эпохи, в коммуникативное пространство включаются «антипословицы», в которых смещаются, а порой и заменяются смысловые акценты, заложенные в традиционных пословицах. Перспективы дальнейших исследований по означенной проблематике связаны как с углубленным изучением семантики паремий на когнитивных и лингвокультурологических принципах, оценкой их коммуникативного потенциала, так и с широким сопоставительным изучением русских паремий с паремиями других народов и культур.

Список использованной литературы

1. Виноградов, В. А. Языковая семантика в пространстве культуры / В. А. Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4(2). – С. 461–464.
2. Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Р. Валент, 2006. – 448 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.